

Расширение границ эпистемологии: добродетель как процесс и ответственность

Аннотация

В статье рассматривается определение эпистемической добродетели, предложенное Э. Созой и Л. Загзебски. Показано, что определения, фиксирующие добродетель через компетентность и мотивацию субъекта в момент акта, рассматривают добродетель как свойство субъекта, а не как характеристику действия в его полноте, включая результат. Интеллектуальный акт, приведший к разрушительному результату, не может быть квалифицирован как добродетель, независимо от компетентности и намерений субъекта. Предложено новое определение: эпистемическая добродетель — познавательное и ответственное действие, ведущее к истине, сохраняющей жизнь и познание, и направленной к созиданию блага. Указаны границы применимости определения.

Ключевые слова: эпистемическая добродетель, Соза, Загзебски, процесс, результат, ответственность, определение, Аристотель, технологическая эпоха.

1. Случай, вызывающий сомнение

Представим математика, разрабатывающего алгоритм сжатия данных. Он компетентен, увлечён красотой задачи, движим чистым познавательным интересом. Его решение изящно и эффективно. Через несколько лет выясняется, что алгоритм лёг в основу системы массовой слежки, которая привела к репрессиям.

Был ли познавательный акт этого математика добродетелью?

С точки зрения Эрнста Созы — да. Он определяет интеллектуальную добродетель как когнитивную компетенцию, успешно направленную на истину. В ранней формулировке — как когнитивную диспозицию, которая является надёжной в тенденции производить истинные убеждения, а не ложные [4, р. 23]. Математик был компетентен и достиг истины.

С точки зрения Линды Загзебски — тоже да. Она добавляет к компетентности мотивационный компонент: интеллектуальные добродетели в конечном счёте направлены на истину, а мотивация понимается как устойчивая тенденция быть побуждаемым мотивом определённого рода — эмоцией или чувством, которое инициирует и направляет действие к цели [6, р. 131–132]. Математик имел такую мотивацию.

Однако с этим выводом трудно согласиться — и не по этическим, а по понятийным основаниям. Добродетель традиционно понимается не как статическое свойство, а как действие, направленное к благу. Аристотель определял добродетель через деятельность души [1, 1098a]. В русском языке В.И. Даль фиксирует: «Добродетель — всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру» — деятельное, а не созерцаемое [2]. В христианской мысли та же логика: добродетель не принадлежит человеку как собственность, она осуществляется в поступке и не может быть зафиксирована в отрыве от своего завершения. Игнатий Брянчанинов писал, что добродетель, осознавшая себя как добродетель, перестаёт ею быть, поскольку присвоение останавливает её.

При таком понимании словосочетание «добродетель, завершившаяся злом» оказывается внутренне противоречивым.

2. Что общего у двух определений

Присмотримся к тому, как устроены определения Созы и Загзебски.

Оба они останавливают познавательный акт в момент его совершения. Они берут субъекта, его способности, его намерения — и на этом основании выносят суждение о добродетельности самого акта. Всё, что происходит после, исключается из рассмотрения.

Это сознательное методологическое решение. Эпистемология изучает познание, а не социальные последствия технологий. Определение должно быть чистым.

Однако если определение добродетели не позволяет отличить акт, приведший к благу, от акта, приведшего к разрушению, то возникает вопрос: не утратило ли оно связь с тем, что призвано определять?

3. Действие и его завершение

Свойство предмета и характеристика действия устроены по-разному.

Свойство принадлежит предмету здесь и сейчас. Если стол деревянный, он деревянный в любой момент своего существования.

Действие длится. Оно имеет начало, разворачивание и завершение. Мы не можем вынести окончательное суждение о действии, пока оно не завершилось или пока не стало ясным его направление.

Можно возразить: познавательный акт завершается в момент получения истины, а всё остальное — применение, а не познание.

Однако если познавательный акт с самого начала был встроен в цепочку, ведущую к технологии, то его выделение в изолированный момент есть абстракция — полезная для одних целей, но вводящая в заблуждение для других.

Аристотель заметил: «Ни счастье, ни добродетель не измеряются коротким временем — добродетельный человек действует добродетельно на протяжении всей жизни» [1, I, 10, 1100a 10–35]. Мысль Аристотеля относится к этосу, но логика её шире: суждение о целом не выносится по фрагменту. «И одна ласточка не делает весны, так и один день не делает человека блаженным и счастливым» [1, I, 7, 1098a 18–20] — сказано о счастье, но та же логика применима к добродетели. Отдельный акт, вырванный из временной ткани, не может быть окончательно оценён без знания того, чем он завершился.

4. Возражение и ответ

Могут сказать: вы смешиваете эпистемическое и этическое. Добродетель познания — в достижении истины, а не в последствиях её применения.

На это есть два ответа.

Первый: истина, ведущая к разрушению, перестаёт быть благом для познающего человечества. Эпистемическое благо — не абстрактная истина, а истина, встроенная в жизнь разумного существа. Здесь мы сознательно расходимся с Созой и Загзебски в понимании эпистемического блага. Для них благо — достижение истины. Для нас благо включает в себя также сохранение условий, в которых познание может продолжаться. Это расширение не произвольно: если оно разрушает собственные основания, то перестаёт быть благом даже с чисто познавательной точки зрения.

Второй: граница между «чистым познанием» и «применением» исторически подвижна. В эпоху, когда познание стремительно превращается в технологию, эта граница практически исчезает. Учёный, публикующий статью о структуре вируса, одновременно публикует инструкцию по созданию оружия — не потому, что он этого хочет, а потому, что так устроена современная наука [3, гл. I]. Оставлять это без внимания — значит оставлять понятие добродетели неполным в том аспекте, который в технологическую эпоху стал существенным.

5. Что из этого следует

Мы не предлагаем отбросить определения Созы и Загзебски. Они работают в ограниченной области: там, где последствия акта нейтральны или несущественны для оценки самого акта.

Однако если последствия разрушительны, определения дают сбой и называют добродетелью то, что добродетелью не является. Этот сбой не случаен — он встроен в логику определения, которое фиксирует добродетель в момент акта, не учитывая результат его завершения.

Существо проблемы не в том, что определения Созы и Загзебски неполны. Существо в том, что они статичны по своей структуре, тогда как добродетель представляет собой процесс. Она не может быть точно измерена в отдельно взятый момент. Определения, фиксирующие добродетель через свойства субъекта здесь и сейчас, размывают границы понятия: под них подпадает и то, что ведёт к благу, и то, что ведёт к разрушению, а различие, ради которого понятие существует, тем самым теряется.

Исправление требует включить результат в определение. А именно: эпистемическая добродетель — познавательное и ответственное действие, ведущее к истине, сохраняющей жизнь и познание, и направленной к созиданию блага. Компетентность и мотивация — необходимые, но не достаточные условия.

Это делает суждение о добродетели более трудным, потому что результат не всегда ясен сразу. Но трудность эта не искусственная — она отражает природу самого действия, которое не завершается в момент своего начала.

6. Границы сказанного

Сказанное не означает, что мы не можем судить о добродетели познавательного действия до того, как проявились все его последствия. Мы можем — но наше суждение будет предварительным, открытым для пересмотра. Именно потому, что добродетель есть процесс, а результат может быть отдалён во времени, окончательное суждение о

ней не может быть вынесено в момент акта. Это не дефект, а прямое следствие природы добродетели.

Сказанное не означает, что субъект виновен во всех отдалённых последствиях своего акта. Вина и добродетель — разные понятия. Можно не быть виновным в разрушении, но действие, приведшее к нему, не становится от этого добродетелью.

Сказанное не означает, что всякое познание, чреватое риском, недобродетельно. Риск — не разрушение. Направленность к благу включает в себя принятие риска, но не включает игнорирование разрушительных последствий, когда они стали известны.

Сказанное различает предвидимые и непредвидимые последствия. Если последствия были объективно непредвидимы, действие может считаться правильным в момент совершения — но его итоговая оценка как добродетели остаётся предварительной. Если же последствия были предвидимы, но проигнорированы, действие не может считаться добродетелью даже в предварительном смысле.

7. Заключение

Классические определения эпистемической добродетели фиксируют её в момент познавательного акта — через компетентность и мотивацию. Этого казалось достаточно, пока познание и его применение были методологически разделены для удобства анализа познавательных моделей. Однако в технологическую эпоху границы между познанием истины и применением результата познания стали более близки по временной шкале, а в ряде случаев просто слиты и следуют сразу друг за другом. Классические определения перестают работать: под добродетель теперь подпадают и действия, ведущие к разрушению.

Мы предложили иное: эпистемическая добродетель есть познавательное и ответственное действие, ведущее к истине, сохраняющей жизнь и познание, и направленной к созиданию блага. Это определение расширяет границы эпистемологии — от момента акта к его итогу, от компетентности к ответственности.

По существу, речь идёт не просто об уточнении определения, а об очищении понятия добродетели от модельных искажений, которые были приняты за само понятие. Определения Созы и Загзевски — не ошибка, а модель, удобная для аналитической эпистемологии, но её границы перестали осознаваться как границы. Возвращение добродетели её процессуальной природы и ответственности восстанавливает содержание, утраченное при переводе добродетели в статическое свойство с грубыми, искажающими суть эпистемологическими модельными границами.

Вопрос: кто и когда выносит суждение о добродетельности действия, если его итог отдалён во времени? Ответ есть. Добродетель — это процесс, а оценка процесса в конкретный момент времени всегда является предварительной. И этот вопрос возвращает добродетели её подлинную природу — не фиксации в статике, а пути и движения к благу.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской. М.: АСТ, 2002.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.
4. Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // Midwest Studies in Philosophy. 1980. Vol. 5. P. 3–25.
5. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2007.
6. Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

References

1. Aristotle. Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]. Moscow: AST Publ., 2002. (In Russian)
2. Dahl V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1978–1980. (In Russian)
3. Jonas H. Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii [The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age]. Moscow: Airis-press Publ., 2004. (In Russian)
4. Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge. Midwest Studies in Philosophy, 1980, vol. 5, pp. 3–25.
5. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2007.
6. Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Сведения об авторе:

Смокотина Ольга — независимый исследователь. Сфера научных интересов: гносеология, эпистемология, философия науки, философия языка, когнитивные исследования. Автор концепции сверхлогики.